

**НАША РОДИНА
СССР**

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В СЕРИИ «НАША РОДИНА СССР»

Узнавайте о новинках в нашей группе «Время легенд» в Facebook:
<https://www.facebook.com/Время-легенд-456864947853689/>

*Александр
Сладков*

ШВАБРА, ЛЕНИН, АКМ
ПРАВДИВЫЕ ИСТОРИИ
ИЗ ЖИЗНИ ВОЕННОГО УЧИЛИЩА

Москва
2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С47

Разработка серии А. Саукова и Ф. Барбышева

Иллюстрация на обложке Ф. Барбышева

В оформлении книги использованы фотографии
из личного архива автора

Сладков, Александр Валерьевич.

С47

Швабра, Ленин, АКМ. Правдивые истории из жизни военного училища / Александр Сладков. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 400 с. — (Наша Родина СССР).

ISBN 978-5-699-87238-1

Книга известного российского журналиста Александра Сладкова посвящена учебе в Курганском высшем военно-политическом авиационном училище. Основные действия происходят в далеком уральском поселке Увал, а еще в заброшенных богом гарнизонах Псковской области и Туркмении.

Льжные переходы, стрельбы, упорное изучение философии, истории, психологии. Все прочно и конкретно вроде бы... Но жизнь автора в КВАПУ — сплошная комедия. Он рассказывает, как на самом деле происходила подготовка идеологических бойцов Вооруженных сил СССР. Как жили курсанты, чего опасались, что ценили в первую очередь в друзьях и командирах. Как прочно входили в их быт водка, идеология, женщины, коммунизм. А еще швабра, тряпка и АКМ. Ну и рок-н-ролл с КПСС.

Есть темы серьезные, которых автор касается в самом конце: все то, чему их учили в восьмидесятых, оказалось не сказкой, не мифом, как считал он сам. Уже репортером, ему пришлось видеть, как «западные апологеты», а их так называли в Кургане, воевали на его фронте, идеологическом, в России, Украине, Сирии, по всему миру. И там, где они побеждали, начиналась настоящая война. Впрочем, это тема уже других авторов и для других книг.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87238-1

© Сладков А., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Предисловие

Однажды я попал в отряд Пешмерга. Не то чтоб случайно. Я как раз мечтал найти что-нибудь необычное. Война в Ираке, нам казалось, подходила к концу. Багдад пал, и всюду были американцы. На улицах столицы продавали виски, а в родном городе Саддама Хусейна, Тикрите, в кинотеатре раз за разом демонстрировали порнофильмы. Экспортная свобода выглядела пошловато.

Наша съемочная группа подалась на север Ирака. В поисках новых тем. Протомившись несколько дней в столице Курдистана Сулеймании, мы получили вызов в администрацию.

— Вот вам бумага, езжайте на нашу военную базу. Там пешмерга.

— ???

— Наш спецназ.

Нас встретили смуглые усатые люди. В одинаковых экзотических комбинезонах. Их легкомысленные необъятные шаровары перерастали в строгие военные куртки с погонами. Они держали в руках советские автоматы и пулеметы, и лица их были угрюмы. Командир обмундированием не

АЛЕКСАНДР СЛАДКОВ

отличался, просто он был выше, шире и угрюмее остальных. Он махнул рукой, и я воспринял жест как приглашение к беседе.

— А что у вас за спецназ такой, как в него отбирают? Меткость в стрельбе, выносливость?

— Нет, у нас другие условия.

— Но в спецназе должны служить самые лучшие.

Командир внимательно посмотрел на меня.

— Быстро бегать и хорошо стрелять можно научить и обезьяну. У нас партийный спецназ. И в нем служат самые преданные идеалам, а значит, самые лучшие наши бойцы. Мы учим их умирать за идею.

Господи, подумалось мне тогда, а ведь и мне пришлось пройти через это. Столько лет прошло, а помню все до мелочей. Как мы стреляли, как бегали. Как пыхтели над трудами Ленина, Маркса и Энгельса. Как изучали предметы странные и неинтересные: научный коммунизм, национальное освободительное движение, международное коммунистическое рабочее движение. Учили, а потом проводили знания в армейские массы. Это я сейчас понимаю: все новое — хорошо забытое старое. Все оранжевые революции, все майданы суть того, что мы изучали. Пускай называются технологии экспорта революции по-другому, по-новому, они те же. Вот только нынешние проводники — бесстрастные манипуляторы. Мы были бойцами идейными. Да... Пришлось послужить целых десять лет. В Пешмерга СССР.

КВАПУ

Произносится раскатисто и
призывно. На лягушачий ма-
нер: «Кв-в-а-а-а-пуу!»

**Документальное повествование
1983—1987**

Мама протерла бутылку водки и поставила ее прямо передо мной. Бутылка была холодная, запотевшая. Только из морозилки. За окном ни звезд, ни месяца. Лишь темнота. Я уже сделал уроки, зашел на нашу тесную кухню и сел за маленький, едва помещавшийся у стены раскладной столик. Люстра висела низко, освещая шпроты и нарезанный дольками зеленый квашеный помидор. Хлеб, рюмку и пепельницу. Напротив, уперев локти в стол, сидел родной брат мамы, а стало быть, мой дядя, полковник авиации Рубочкин Валерий Александрович. В семейном кругу Валерунчик. Собственно, водка полагалась не мне, а ему.

— Ну, вот поговори с ним, Валера! Не хочет он в Курган ехать!

Дядя выдохнул и сорвал водочную «бескозырку». Налил. Задумчиво потрепал свой кудрявый чуб.

— Да? Ну а что так, Саша?

Я молчал. Все уже сто раз было говорено. Январь. Десятый класс. Пора решать, кем быть. В нашем классе все пацаны идут в авиацию. Кто в вер-

АЛЕКСАНДР СЛАДКОВ

толетное училище документы подавать собирается, в Сызрань, кто Воронеж на авиационного инженера, кто в Балашов, в транспортную авиацию. А я не хочу летать. Бывало, нам, маленьким, в школе, на уроке мужества, толковали про юность какого-нибудь авиационного генерала: «А в пятнадцать лет маленький Вася заболел небом». Как заболел? Заразился? От соседки по парте? Профессия — это ж не триппер, не корь, не ангина, в конце концов. Время идет, пятый класс, шестой, седьмой... Начинаются дурацкие вопросы родственников и знакомых: «А кем ты хочешь быть? Не знаешь? Никем?» Да откуда я знаю? Я что, пятую жизнь живу? Да, может, и пятую, но кем до этого был? Кузнечиком, коровой, деревом? Хорошо. У нас в Монино, в гарнизоне, подход простой. Спрашивают, не кем будешь (естественно, военным), а сразу — в какое училище собираешься поступать. Не в институт ведь гражданский. Ты ж не больной. А у меня есть своя мечта. Я хочу быть горным стрелком. Вот выбрал себе училище в Орджоникидзе. Пехотное. Сначала домашние крутили у виска пальцем: «Тююю, с ума сошел!» А время поджимает, в военкомате ждут заявления. И начались уговоры. Ладно, мол, летать не будешь, иди в авиационные комиссары. Есть такое училище, КВАПУ, на Урале. Дед был генералом авиационным. Был. На этом свете я его не застал. Папа служит в академии Ленина, а там замполиты учатся. Повышают свою комиссарскую квалификацию. И меня в эту среду? Ага, щассс.

Все на полигоне, на войне, а я в штабе, с папочкой под мышкой. Тфу ты. Не хочу.

Дядя Валера, наверное, догадывается, о чем я думаю.

Он устало смотрит куда-то вверх. Мама час назад оставила нас тет-а-тет. За это время Валерунчик успешно освоил «ноль семь». Теперь завершающе перекуривает. Он складывает губы куриной попкой и шумно запускает дымную струю под абажур. Я знаю, что вот так же тридцать два года назад уговаривали его самого. Всей семьей. Он хотел быть моряком, а в итоге отправили в авиацию. И через несколько лет он послал небо куда подальше, поступил в академию Ленина и углубился в военную науку.

Валерунчик неожиданно хекает, словно опуская топор на плаху, и глядит мне в глаза.

— Знаешь что, старик? Не сдавайся. Не предавай мечту. А то будешь таким же мудаком, как и я. Иди в пехоту.

Утром я прибыл в военкомат.

* * *

Вторые сутки я валяюсь на верхней полке и смотрю в замызганное окно. Колеса поезда стучат, как больное сердце. За стеклом мелькает Россия. Летят леса, поля, горы Уральские. Боже мой, как далеко этот Курган. Плацкорт полон, окна задраены, воздух спертый, плотный, хоть ножом нарежай. Мыслей в голове никаких. Пусто, и все. Это вон в кино показывают, как советские ком-

АЛЕКСАНДР СЛАДКОВ

сомольцы за счастьем на край света едут. С песнями, с гармошкой. В жизни-то оно поспокойнее все будет.

Кстати, в комсомол меня приняли месяц назад. В военкомате сказали: надо. Мы с дружкой и одноклассником моим, Андреем Леонидовичем Выдриным, вместе прошли школьный комитет и должны были ехать в райком ВЛКСМ. Но накануне в класс залетела Зинка, ой, простите, Зинаида Михайловна, директор школы нашей, прям ворвалась и закричала на химичку:

— Где Выдрин?!

— Отсутствует, наверное, к вступлению в комсомол готовится.

Зинка остановилась. Ее трясло от злости.

— Не пойдет он в комсомол. На него уголовное дело завели.

Господи, подумаешь, ударил соседа палкой. Тот полгода выпрашивал, запрещал Андрею Леонидовичу курить в подъезде, на лестнице. Не помогло. Я говорю, отлучение от комсомола не помогло. Выдра уехал поступать в Сызрань, в летное-вертолетное.

А меня все-таки вытолкали за Урал. За счастьем, маминим и папиным. Мое счастье никого, видать, не волнует.

Наконец поезд прибыл. Город толком я посмотреть не успел. Битком набитый автобус привозит меня к цели. Но чтоб зайти в училище, нужно выстоять очередь, как в Мавзолей. И я стою, с пакетом документов под мышкой и с чемоданом у ног.

Десятый час стою. Жара градусов тридцать пять. В очереди такие же пацаны, как и я. Будущие абитуриенты. В майках, трениках с коленными пузырями. Под низкорослыми куцыми тополями, в пыльной траве, навалены авоськи с едой.

Периодически пацаны объединяются в небольшие кружки, вываливают в центр на газету яйца, хлеб, вареную курицу, огурцы с помидорами. И едят.

От харчей явно воняет, но амбре никого не смущает. Пацаны наедаются, негромко рыгают, перекуривают и возвращаются в очередь.

И вот уже КПП. В окне мечется голый по пояс военный. На голове пилотка. Во рту золотые фиксы. На узкой груди блекло-синий партак, худая баба с жидкими волосами и с короной, напыленной набекрень. Набивал это произведение, судя по всему, какой-то пьяный матрос. Во время шторма. Да... Зачем же тогда мне надо было выводить свои татуировки перед поступлением? Они, конечно, тоже не были произведениями искусства. Что колют во дворе в шестом классе? Крестик, кораблик, змейка. Папа как-то заметил мои картинки.

— Что это?

— ...

— Поди смой.

Пошел. Мыл. Не смывается, естественно. Год ходил при папе в одежде с длинными рукавами. Снова попался. Но у папы было хорошее настроение.

— Я ж тебе говорил.

АЛЕКСАНДР СЛАДКОВ

— Не отмывается...

Вместо ожидаемого подзатыльника папа отреагировал неожиданно. Уткнулся в свою послеобеденную газету. Потом разочарованно произнес:

— Разведчиком ты уже не будешь.

— Почему?

— Особые приметы.

Приметы... Кто меня сватал в разведчики? Я представил себе грудь штурмбанфюрера Штирлица, разрисованную церковными куполами, и его же ноги с серо-синим вопросом-ответом: «Куда вы идете?» — «Туда, где нет закона!» Все точно так же, как у моего товарища детства Сережи Кóбеля. Но Сережа не шпион, не разведчик. Он, как принято говорить во дворе, человек заслуженный, три ходки. И, стало быть, три наколотых купола. И надпись красивая на груди: «Прости матери слезы!»

А я... я иду не в разведчики, а в замполиты. И этот, военный, с наколотой бабой в короне, принимает у меня пакет документов.

— Откуда?

— Монино.

Толстые губы кривятся. Желтеют фиксы.

— А... Монинская мафия! Добро пожаловать в КВАПУ!

— Сержант! Пухонин!!!

— Я, товмайор!!!

— Занимайтесь своим делом!

— Йййесть!

Сидящий здесь же на КПП офицер кидает мой пакет в общую кучу.

— Заходите на территорию. Сейчас будет построение.

И вот я в училище. Асфальт, расплавленный, мягкий, продавленный курсантскими сапогами и абитуриентскими кедами. Выгоревшая под лучами ярила трава. Это и есть военно-политический Шаолинь, в котором куют легендарных комиссаров? Дух не захватывает, сердце не рвется из груди. Ничего героического.

— Так! Внимание! В колонну по четыре...

Фиксатый сержант Пухонин начинает было командовать нами, высунувшись из окна КПП:

— Свободен!

Его грубо прерывает неизвестно откуда вынырнувший загорелый чувак. Белое, выцветшее обмундирование, как у красноармейца Сухова. Голубые курсантские погоны. Чувак подает команду сильным низким голосом, делая свистящее ударение на последний слог последнего слова:

— В колону по четыре становиссссссь!

Мы крутимся, суетимся, и все без толку. Тогда курсант ладонью, жестко рубя, указывает на асфальте место каждому из нас.

— Ты! Сюда встань!

— Ты! Сюда.

— Сюда.

Потом, отступая на несколько шагов назад, он любуется нами. Так художник рассматривает на мольберте создаваемый им пейзаж. Но вдруг новоявленный командир снова гаркает:

— Вещи к осмотру!!!